

Вере Жаковой.

Очень рад сказать Вам, что о Кулибине Вы написали хорошо — гневно, горячо, ярко и все — в меру. Чувствуется, как тема волновала Вас и это волнение. — испытываешь. Уверен, что также испытывает его любой грамотный читатель. Вещь эту надобно будет издать вместе с другими биографическими очерками Вашего пера, — интересная книжка будет.

«Нижний» требует кое-каких поправок, прилагаю «указатель» оных.

Теперь, когда Вы, наверное, поняли, как важно отдать всю свою волю определенной задаче, я почти уверен, что дальнейшая работа у Вас пойдет легко и быстро.

По вопросу о расколе недавно вышла книжка, — не помню чья и как озглавлена, я видел ее мельком.

Поменьше пишите о Горьком, литераторе. Говоря о судоходстве наверное скажете что-то о бурлаках, а говоря о них, вероятно, вспомните «Эй, ухнем». Смело можете утверждать, что это песня не бурлацкая, т. е. не та, с которой бурлаки «тянули дямку», тянули они ее

«С болезненным припевом ой
«И в такт качая головой» —
как сказано у Некрасова, воочию видевшего это. А пели они:

«Ой-ой-ой-ей

«Дует ветер верховой»... Или нечто в этом духе, пели:

«Ты подай, Микола помочи

«Довели, Микола, до ночи»...

И не было у них никаких причин вносить в трудовую песню слова из девичьей песни, коя пелась в Семье:

«Разовьмете березу

«Разовьмете кудряву»... и т. д.

Пели и «эй, ухнем», но в тех случаях, когда «паузились», «таскивали баржу с мели, артельно ворочали большие тяжести, пели так:

«Эй, ухнем!

Эй, ухнем!

На под'ём берём.

Эй, ухнем!

Эх—сильно берём

Да и дружно берём!

Во-от пошли!

Вот пошли, пошли!» И т. д.

Очень рад я, что Кулибин удался вам!

Будьте здоровы, растите большая!

М. ГОРЬКИЙ.

25 апреля 1936 г.